

А. Ю. Носкова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Геопозитическое пространство Александра Вавилова¹

Многим писателям и поэтам свойственно особое чувство окружающего их пространства. Наиболее остро оно проявляется во времена смены исторических этапов, когда необходимо переосмыслить мир и идентифицировать себя в нем. Современное литературоведение активно занимается изучением локальных текстов, поскольку в контексте нового тысячелетия авторы в своих произведениях выстраивают особые, самобытные отношения с местом.

В поэтическом мире современного екатеринбургского лирика Александра Вавилова немаловажную роль играет восприятие субъектом характера того пространства, которое его окружает. Остановимся на последней книге А. Вавилова «Тысяча миль до Катаругуса» (2016), в которой, по утверждению самого автора, главенствует тема географии, о чем свидетельствует уже название сборника.

Следует оговориться, что речь будет идти не о каком-то конкретном локусе, поскольку таковым не ограничивается вселенная лирического героя. Как отмечает В. Сайфутдинова в критической статье «Одинокая рыба-географ», «Вавилов любит перечислять географические объекты — как современные, так и исторические ... но никогда не пытается их художественно переосмыслить» [Сайфутдинова], и обуславливает это «тем, что, по словам Вавилова, он не был ни в одной из тех стран, о

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Татьяны Александровны Снигиревой.

которых пишет» [Там же]. Действительно, Вавилов практически целиком переносит мировой атлас в свои стихотворения, но далеко не все отмеченные пункты на его поэтической карте обладают чем-то, кроме названия. Страны и города часто никак не осмыслены и не описаны, а всего лишь упомянуты в длинном перечислительном ряду. Например, в стихотворении «Детектив»: «Где-то в Донецке, Дели, Твери, Киото, / В Рио, где продолжается карнавал, / Кто-то сошел с ума и убил кого-то... / Или, как говорится, не убивал <...> Каждый под подозрением. Даже мама. / Даже племянник. Даже свекровь сестры. / Каждый из граждан Венгрии и Вьетнама, / Жителей Тулы, Вадуца, Анкары» [Вавилов, 2016, с. 10].

Обособленные в реальности локусы здесь становятся частью синонимического ряда. Они не осмыслены, а лишь являются частью некой цепочки, звенья которой объединены одним «событием», приравнивающим их друг к другу. Это способствует семантическому опустошению, от стран и городов остаются только названия. «Неосмысливание» Донецка, Дели и множества других городов приводит к обесмысливанию мира. Стихотворение построено на гротесковой ситуации: офицер полиции расследует убийство, которое не было совершено. Убийство и его отсутствие — акты, противопоставленные друг другу, оттого их синтез в одной системе координат — оксюморон, приводящий мир в состояние абсурда. Точнее сказать, мир, изображаемый Вавиловым в этом стихотворении, изначально лишен смысла, он не строится по законам разума, не обусловлен причинно-следственным связями: «Нет ничего: свидетелей, жертвы, тела, / Крови, улик. Действительно — ничего. <...> А убийство — есть» [Там же].

Абсурдность, недействительность и нестабильность характеризуют место существования лирического героя как «кромешный мир» (см.: [Лихачев, с. 345–360]), или антимир. Это перевернутая реальность, пространство со спутанной знаковой системой. Кромешный мир изначально считается частью смеховой культуры, его функции заключаются в разоблачении существующей действительности, но далеко не всегда это разоблачение ограничивается смеховым началом: «Это в песнях поется, что в Африке реки и горы, / Это в книгах написано, будто там всюду макаки, / А на деле — повсюду бандиты, убийцы

и воры... / Очень черные воры, которых не видно во мраке» [Вавилов, 2016, с. 63].

Иронизируя, автор разрушает уже устоявшийся романтический ореол, довлеющий над экзотическими странами. Если поэты Серебряного века испытывали неподдельный интерес к Африке, Китаю, Индии, противопоставляли их своему обыденному месту существования, то лирический герой А. Вавилова, наоборот, опровергает всю сказочность песен и книг и организует земную среду в неблагополучное пространство.

При всем обилии стран и городов, «географ» Вавилова не занимается изучением ландшафтов. Мы практически не видим природного мира и вообще не встречаем пейзажной лирики. Место зачастую является у поэта не самодостаточной категорией, которое способно генерировать собственные характеристики, а лишь фоном для описываемого события.

Многие стихи Вавилова действительно событийны, можно проследить в них историю, некий метафорический сюжет, условно поддающийся пересказу. Например, в вышеупомянутом «Детективе» или — в «Городе пропавших детей»: «День, когда я впервые пропал, начинался предельно мило: / Бабушка пекла пироги, я играл во дворе с друзьями... / Но большая и страшная тень всё время за мной следила... / Сам не помню, как я оказался в огромной, холодной яме. / Помню, тень мне сказала, что в городе пропадают дети. / От объемов такой информации стало вдвойне хреново. / “Пропадают, как будто вовсе не было их на свете...” — / Говорила большая и страшная тень мне опять и снова» [Там же, с. 71].

У города нет ни названия, ни характеристик, обозначены только двор, яма и морг: «Тень еще повторяла, что раньше тоже была ребенком, / А потом над ней хохотали в морге номер тринадцать...» [Там же]. Морг — локус маргинальный, переходный, граница между детством и состоянием тени, т. е. симулякр человека. Город этот, безусловно, часть безумного мира, в котором пропавших детей не ищут, но расследуют убийства без жертв.

При всем многообразии географических объектов, которые поэт не наполняет индивидуальными качествами и характеристиками, в лирике Вавилова все же есть особое, самобытное пространство — Россия. «Русский мир», конечно, хоть и подчиняется все тем же законам абсурда, но все же обособливается

(«Знай, что весь Русский мир — Золотое кольцо России» [Там же, с. 80]) и даже противопоставляется всему остальному («Русский мир, как считают в Суздале, любит смелых, / Загнивающий Запад — любит кого попало» [Там же]). Название «Золотое кольцо России» «рифмуется» с кольцевой композицией стихотворения, начинающегося и заканчивающегося строчкой «Меня били под Выборгом, били под Кировградом» [Там же], обрамляя его, таким образом, мотивом насилия и замыкая пространство.

Примечательно, что географические пространства, по Вавилову, не могут быть ограничены какими-то рамками, ведь «Польша находится на той стороне Свердловска» [Вавилов, 2015, с. 66], однако по всему миру господствуют больницы, морги, ямы, квартиры и трущобы, в которых заключен человек: «Если мы не нужны Золотому кольцу России, / То рванем во Вьетнам, на Тибет, в Эквадор, в Руанду. / Пусть нас мочат в любых трущобах, в любых фавелах, / В каждом гетто, ведь мы приучены, всё нам мало» [Вавилов, 2016, с. 80].

Вавилов в стихотворении не только обыгрывает русскую поговорку «бьет — значит любит», но и мифологизирует пространство: «Русский мир меня так любовно пинал ногами, / Будто я — это викинг, а Русский мир — Вальхалла» [Там же]. Поэт уподобляет каждый день бьющихся насмерть и воскресающих Эйхерий тем, «кому выпала честь, в натуре, / Жить и царствовать под Иваново с Ярославлем» [Там же]. Во-первых, здесь еще раз возникает идея кольца, но уже как цикла постоянных смертей и перерождений. Во-вторых, это сравнение возвышает образ лирического героя: он — не просто дворовый парень, которому постоянно доставалось от хулиганов, он — настоящий борец, один из лучших. Причем контекст этот обставлен иронично: «Я счастливее всех! Всегда! На любом этапе! / Ведь в роддоме не зря меня на руках носили!» [Там же]. Свою исключительность он объясняет явлением обыденного порядка.

Для Вавилова неотъемлемой частью пространства являются люди, которые его населяют, поэтому в творчестве автора достаточно широк спектр ролевой лирики. Поэт относится с добротой к своим героям, кем бы они ни были — гробовщиками, пьяницами, забойщиками скота или дворниками: «Давно кипят на Черном море / Мирские страсти по Христу... / А я в своем ночном дозоре / Дворы свердловские мету» [Там же,

с. 46]. Дворник здесь лиричен в своей приземленности, в отречении от высоких идей: «Мне не нужны трофеи, слава, / Шевроны, лычки, ордена, / Аплодисменты, крики “браво”, / А вот метла, — метла нужна» [Там же]. Человек в Свердловске (а у Вавилова всегда именно Свердловск, не Екатеринбург) — это никак не герой-миротворец, он один из толпы, один из тех многих, за кем каждый день наблюдает поэт. Да и сам город — это место, где «мусор слева, мусор справа, / И в перспективе ни хрена» [Там же].

Это единственная перспектива, разворачивающаяся перед всеми героями поэта, независимо от их рода деятельности и места проживания. Точнее, весь этот мир тотально бесперспективен, потому что ни в чем нет смысла. Но в последней книге А. Вавилова появляется необходимое внутреннему миру поэта место — Катарagus: «Тысяча миль на север, — туда, где ты / И Катарagus. Там хорошо везде, / Ты можешь мне не верить, но там коты / Сквозь дисбалансы странствуют по воде» [Там же, с. 84]. Это тот самый рай, который «географ» Вавилова, побывав везде, нигде не нашел. Думается, что прообразом для Катарagus послужило то самое «озеро Чад» из «Жиrafa» Гумилева, только вместо изысканного жирафа здесь живут коты. Оба эти текста сближает склонность лирических героев к эскапизму — они желают покинуть свою повседневную среду существования. Но если озеро Чад все же существует в реальной действительности, то Катарagus — это географический парадокс: герой находит рай в несуществующем месте, хотя знает при этом, как до него добраться. Тысяча миль — это одновременно путь к свету и дорога в никуда.

Таким образом, можно говорить о том, что в лирике А. Вавилова складывается особое геопозитическое пространство. Его лирический герой стремится охватить своим взглядом весь земной шар, но в большинстве случаев видит только нескончаемый ряд названий стран и городов, которых нельзя отличить друг для друга. Все они подчинены одному закону: мир изначально лишен смысла. В описании локусов поэт использует такие приемы, как ирония, гротеск, оксюморон и проч. В итоге географическое пространство не складывается в целостную картину, что очевидно, в частности, по перечислительным цепочкам названий, последовательность которых лишена

логического обоснования. Однако «русский мир» Вавилова все же отличается от остального: он освоен, потому что сам поэт, так или иначе, наблюдает за ним каждый день. Но лирического героя угнетает земное пространство целиком, в своей склонности к эскапизму он стремится лишь к несуществующему на картах раю — Катарэгусу.

Список литературы

Вавилов А. В. Внутри молчания. Екатеринбург : Пинта ветра, 2015. 112 с.

Вавилов А. В. Тысяча миль до Катарэгуса. Екатеринбург : Пинта ветра, 2016. 112 с.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и др. работы. СПб. : Алетейя, 1999. 508 с.

Сайфутдинова В. Одинокая рыба-географ : [рец. на кн.: Вавилов А. Тысяча миль до Катарэгуса] // Урал. 2017. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2017/8/odinokaya-ryba-geograf.html> (дата обращения: 08.02.2019).